

Назаренко С.В.®

кандидат социологических наук, доцент, доцент Департамента социологии,
Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, г. Москва

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ ФЕМИНИЗАЦИИ БЕДНОСТИ И ГЕНДЕРНОЙ АСИММЕТРИИ КАК РЕСУРС ТРАНЗИТИВНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация

В статье с научной позиции о транзитивном состоянии общественной системы рассмотрены социологические основы социального контроля в гендерных институциональных практиках. В фокусе контроля государства и общества находятся проблемы феминизации бедности и гендерной асимметрии. Исследовательский интерес к ним обусловлен нереализованными их ресурсами в современных условиях социально-экономического развития страны. Диагностировав данные болевые точки, автором предлагается модель гендерно-имущественной структуры как стратегической цели государственного управления и социальной политики по минимизации социальных рисков процесса феминизации бедности

Транзитивное общество как риск или шанс.

Обеспечение устойчивого развития национальной экономики – приоритет как экономически развитых, так и развивающихся стран. Устойчивость развития – это способность экономики восстанавливать траекторию прогрессивного движения при воздействии эндогенных и экзогенных возмущающих факторов. Так, при трансформации отечественной экономики от командно-административной к рыночной системе хозяйствования социально-экономический стад был объективным и неизбежным. Смене одного качественного состояния на другое имманентно присущ на начальном этапе регресс, а на последующем – прогресс, что позволяет утверждать – современное российское общество находится в условиях транзитивного социально-экономического развития.

Исследовательский интерес к транзитивному развитию российского общества, к периодам его транзита, к переходным периодам основан на диалектической методологии – транзитологии, согласно которой источником развития, перехода взаимодействий от одного качества к другому, являются социальные противоречия. Уровень, объем и степень их распространенности отражают транзитивное состояние общественных трансформаций – многоуровневых процессов социального развития, перехода из одного качественного состояния в другое. Транзитные (переходные) явления и процессы, их состояния при анализе социальной системы раскрываются через структуры и функции участников взаимодействий. При этом, им имманентно присущ постоянный выход за границы оптимального (идеального) состояния. Они коррелируют как с новыми, зарождающимся, так и фактическими, но отмирающими формами, в основе которых лежат принципы количественного насыщения – «стадии» (их виды: основные и промежуточные стадии антропосоциокультурогенеза – становления, развития, функционирования, разрушения как источника становления нового и/или гибели старого) и качественного прорыва – «скачка» (его формы: революция как радикальное изменение и эволюция как реформаторское изменение), перехода через пограничное состояние социальных взаимодействий, то есть фазового перехода при линейном развитии событий или точки бифуркации – при нелинейном. Неопределенность в транзитивном, переходном периоде делает его поливариантным.

В сущности, транзитивное развитие – это интервал фазы перехода от одного качественного состояния к другому, при котором осуществляется выбор конкурирующих между собой приоритетов, тенденций, альтернатив, перспектив как инструментов разрешения актуальных социальных противоречий и проблем [11, с. 87 – 90]. Всегда данный выбор обусловлен факторами: объективными – способы движения, преобразования, развития

разрешения противоречий; субъективными – индивидуальные и коллективные социальные субъекты, их оценки, интерпретации смысла взаимодействий, фиксирующие достижение гомеостазиса (динамического равновесия) в полисферной и многоуровневой системе взаимодействий в обществе. Функциональная направленность и характер их проявления наглядно отражается в альтернативных его моделях «модернизирующемся», «изменяющемся», «становящемся», «трансформирующемся», «транзитивном» обществе. Но, тем не менее их объединяет социальный факт изменения жизнедеятельности индивидов в обществе, личности в социуме, которое отражает отбор целей, технологий (техник, способов, приемов, средств и т.д.), программ, проектов, направленных на предупреждение или разрешение актуализирующихся противоречий, проблем, конфликтов, минимизации рисков при достижении стабильности в обществе. На организационном уровне – сплоченности группы, на институциональном – солидарности общности индивидов, на общесоциальном – согласия между всеми социальными субъектами, образующими общество.

Как в транзитивном развитии (социальном пространстве), так и в транзитивном периоде (социальное время) максимально возможный набор альтернатив выбора социальным субъектом (индивидом, группой, общностью, обществом) ценностей и смыслов, предпочтений и ожиданий, технологий и форм взаимодействий. Это позволяет данные ситуации (условия, обстоятельства) и состояния рассматривать как относительно исходные отправные моменты формирования принципиально, качественно новых ценностных образцов (обязательств) и их реализации в зарождающихся институциональных практиках социального поведения, деятельности людей. При чем, им присущ максимальный риск, обусловленный неопределенностью позитивного или негативного влияния на последующее развитие и функционирование общества.

История неоднократно доказывала, что скачкообразное прогрессивное развитие человеческого общества неизбежно сопряжено с регрессом (кризисом) в общем его прогрессивном развитии, что вполне правомочно можно считать нормальным явлением. После различного рода регресса (кризиса) или временного приостановления прогрессивного развития неизбежно последует скачок, который и характеризует транзит, переход социальной общности из одного в другое состояние. Не исключением является и наблюдаемая в настоящее время феминизация бедности, альтернативами транзитивного развития которой могут быть: а) феминизация богатства; б) мускулинность бедности; в) мускулинность богатства. Полярность приоритетности неизбежно будет уменьшаться за счет достижения гармонического и/или динамического равновесия в социальной системе, которое минимизирует риск утраты стабильности в обществе.

Социальные общности вовлеченные в сокращение производства и расширение безработицы, в ухудшение их жизненного уровня (качества жизни, благосостояния, счастья и т.п.) и усиление социально-психологического напряжения в обществе, в снижение доверия и возможностей достижения личностных целей индивида (материальные блага, власть и слава, знания и творчество, духовное совершенство как удовлетворенность трудом) подвергаются повышенному риску, но при этом посредством механизмов самоорганизации изыскивая внутренние ресурсы (которые не только компенсируют внешние, но и их существенно усиливают) инициируют институционализацию и легитимацию новых практик социально-экономического, социально-политического и социокультурного (морально-этического и морально-нравственного поведения). Более того, чем сложнее социальная система и изменчивее социальные условия ее внешнего и внутреннего и развития, тем актуальнее становится риск – социальный и/или политический, экономический и/или финансовый, объективный и/или субъективный, динамический и/или статический, информационный и/или технологический, производственный и/или страховой.

Дихотомия действительности и возможности, обуславливает вероятность наступления неблагоприятного и благоприятного последствия [12, с. 25 – 29]. Так, действие социального субъекта нередко связано с неопределенным событием или условием, которое в случае возникновения оказывает позитивное или негативное влияние, приводит к приобретениям или

потерям. Поэтому, если возможное в будущем качественное или количественное ухудшение состояния объекта воспринимается как риск, то вероятностное улучшение – как шанс. Риск и шанс особенно присущи обществам с транзитивной экономикой, которое отличается высокая степень изменчивости социальных явлений и процессов, обусловленных финансово-экономическими, социально-политическими и иными противоречиями, проблемами, кризисами и их последствиями.

В основе оценки вероятности наступления неблагоприятного или благоприятного последствия лежат ценности, в соответствии с которыми осуществляется выбор субъектом конкретного алгоритма действий из имеющихся у него в наличии альтернатив. Так, выбор действия может быть детерминирован как материальными, имущественными и монетарными ценностями, так и социальными, культурными, в том числе морально-этическими и морально-нравственными ценностями образа жизни. Все они, преимущественно связаны с реализацией гарантированных конституцией прав – права на жизнь, работу, оплачиваемый труд, профессию, охрану здоровья, отдых, доступное образование, безопасность и т.п. Социальные ожидания вероятностных изменений ситуации и готовность людей как к росту вероятности ухудшения, так и улучшения ситуации в будущем определяют их модели поведения. Однако, в условиях транзитивного развития, предполагающего увеличение шансов на выход из посткризисного состояния к новому качественному развитию, увеличиваются риски невротизации, безработицы, насилия и потери безопасности, жертвы кризиса, потери доверия, бедности, неоплаты кредита, потери профессии, индивидуальной ненужности, переквалификации, одиночества, банкротства, дисквалификации, эконоцида (самоубийства), маргинализации, люмпенизации [7, с. 8 – 12].

Итак, социальным критерием транзитивного развития современного российского общества является факт наличия объективных условий для улучшения качества, повышения уровня жизни и благосостояния населения, а также снижения неравенства его доходов. Такими условиями являются успешно набирающий темпы социальной эффективности рыночный механизм хозяйствования, который ранее был слаб и недостаточно функционален. Стадия (фаза) экономического спада, сменяясь экономическим ростом, основанном на инновационности экономических и социальных явлений и процессов, является точкой отсчета нового качественного состояния социально-экономического продвижения общества.

Социализация и социальный контроль в гендерных практиках.

Произошедшие за последние три десятилетия (1987 г. – принятие концепции экономических реформ) трансформационные изменения затронули не только сферу экономики и политики, но и сферу культуры и социума общества, в том числе процессы социализации и социального контроля. Их двуединство проявляется в том, что две подсистемы общества – подсистема социализации и подсистема социального контроля – формируя исправляют и исправляя формируют личность человека как члена общества.

При социализации индивид становится личностью, полноценным и полноправным членом общества. Он осваивает социальные статусы в обществе и усваивает тождественно им социальные роли посредством цикла механизмов социализации: адаптации (приспособления к среде) → идентификации (отождествление себя, на принципах «я – мы», «мы – они», «я – они») → интериоризации (добровольного и осознанного исполнения норм-правил поведения) → целенаправленности действий (целеполагания действия и целедостижения результата действия) → адаптации (приспособления к среде) → Однако в соответствии с уровнем своей подготовленности и предрасположенности при достижении поставленной личностной цели, достижении максимального результата люди дифференцированы и представлены двумя альтернативными группами: первая – группа проактивных типов личности, то есть это те, которые за 20% времени, усилий и иных ресурсов достигают до 80% желаемого результата; вторая – группа реактивных типов личности, то есть это те, которые для достижения около 20% результата затрачивают до 80% своего времени, усилий и иных ресурсов (согласно принципа В.Парето «20/80»). Если в первой группе – это преимущественно социализированные типы личности, то во второй – адаптированные и не более того. Если первые могут влиять на

окружающую их среду, преобразовывать ее, то вторые только приспосабливаются к ней, причем преимущественно пассивно. В рамках паретовской логики, вероятнее всего, если «активное, решающее меньшинство» – это социализированные или сильно (высоко) адаптированные люди (около 20% населения), то «пассивное, ведомое большинство» составляет до 80% населения. В контексте логики гауссовского нормального распределения, скорее всего, около 60% это средне адаптированные люди, а около 20% – слабо (низко) приспособлены к условиям и вызовам окружающей социальной среды.

Связано это с принятием или отвержением средств и целей действия (согласно теории социальной аномии Р. Мертона). Так, в зависимости от применения институциональных средств и от достижения культурно-одобряемых целей члены общества могут быть: конформисты – при достижении культурно-одобряемых целей умело используют различного рода институциональные средства; ритуалисты – принимающие средства, но отрицающие цели; новаторы – принимающие цели, но отрицающие средства; ретритисты – отрицающие как цели, так и средства; мятежники – освобождающиеся от господствующих стандартов, вследствие своей неудачи или ограниченности перспектив, и желающих введения нового социального порядка при котором устаревшие средства и цели обновляются.

Дискуссионный характер о необходимости изменения социальной среды или личности индивида, его отношения к внешней среде, приобретает практическую актуальность в развитии социализации, повышения ее эффективности за счет имманентно ей присущей минимизации десоциализации и максимизации ресоциализации. Если при десоциализации люди отучиваются от прежних ценностей и норм-правил поведения, социальных ролей, то при ресоциализации – обучаются новым ценностям и нормам-правилам поведения, исполнению социальных ролей взамен прежних, утративших свою актуальность.

Как свидетельствует отечественная история институты ресоциализации непрерывно развиваются и дополняются новыми. В середине XIX – начале XX века это были закрытые учреждения такие как больницы для душевнобольных, социальные приюты, тюрьмы, закрытые религиозные общины (монастыри). В первом десятилетии XX – 1990-е годы их дополнили специализированные учреждения и общественные организации открытого и закрытого типов в лечебной, коррекционной, пенитенциарной, внешкольной системах. В последнее десятилетие XX – начало XXI века функция ресоциализации все больше возлагается на учреждения дополнительного образования и культуры, общественные организации в открытой социокультурной среде общества. Так, в современном обществе проходит ресоциализация людей, имеющих различный социальный статус, но, прежде всего, с одной стороны, это ресоциализация сирот, инвалидов, пенсионеров, бездомных, мигрантов, деликвентов и девиантов, а с другой стороны, с позиции социально-демографических особенностей – ресоциализация женщин, мужчин, а также подростков, молодежи, людей среднего возраста, пожилых.

Если исправление негативных следствий социализации находится в фокусе ресоциализации, то выявление нарушений людьми норм-правил поведения – в фокусе социального контроля. Так как, в условиях транзитивного развития российского общества люди максимально подвергаются различным рискам, которые могут отразиться на человеке начиная от его состояния физического, психического и социального здоровья, трудоспособности, трудового дохода, качества и уровня жизни, благосостояния и счастья вплоть до разрушения ценностных и социальных смыслов жизнедеятельности, то любое социальное действие индивида, его поведение, деятельность – рискогенны. При этом, леность (пассивность), бездействие или отказ осуществить действие – это альтернативные формы социального действия, которое потенциально может быть не менее рискогенным [10, с. 15 – 19].

Угрожающие риски выходят из-под контроля людей, поэтому, обществу и государству имманентно присущи действия по контролю над рисками. Социальные риски нельзя предотвратить, но их можно контролировать. Управление и контроль рисками все более становится содержанием повседневных институциональных практик. Они предполагают, с одной стороны, поиск и реализацию возможности избежания возникающих противоречий и

проблем, а с другой – минимизация возможного социального вреда или материального ущерба, если избежать проблему не представляется возможным. Их основная цель – это сохранение и поддержание стабильности [2, с. 86 – 95].

Минимизируют социальные риски институты как устоявшиеся практики – «нормы-правила игры» и организации как «игроки» – субъекты, играющие по институциональным правилам и обладающие определенной свободой выбора вектора последующих взаимодействий. Институты обеспечивают порядок, организуют «игроков», упорядочивают и координируют их взаимодействия. Нормы-правила, регламентирующие конкретные действия субъектов, дополняются (сопровождаются и обеспечиваются) нормами-правилами, их поддержания, принуждения и убеждения, понуждения и побуждения к их исполнению, то есть одни институты контролируют другие институты. Они регламентируют поведение тех, кто контролирует соблюдение условий и «правил» игры взаимодействующими сторонами. Так, современные институты и институциональные практики – это взаимосвязанная совокупность правил игры и правил контроля. Именно поэтому институт выступает инструментом социального контроля, под которым понимается механизм оценки и санкционирующего воздействия (не только наказание и осуждение за девиации, но и вознаграждение и одобрение за новации) социальной организации общества и его институтов деятельности социальных групп и поведения индивидов в целях приведения реальных общественных отношений в соответствие с ценностно-нормативными требованиями и ожиданиями общества.

Система социального контроля в обществе включает в себя:

1. Институциональный или нормативный (межгрупповой) контроль. Это механизм доступности средств при целедостижении. Он понимается как процесс обеспечения индивида средствами, с помощью которых ему предоставляется возможность удовлетворения основных видов потребностей, достижения целей. Достижение целей в воспроизводстве нормативного и общеразделяемого поведения индивида возможно при приоритете санкционирования, ориентированного на получение его конечного социального эффекта – создание социальных условий, обеспечивающих минимизацию девиаций. Этот контроль решает проблемы создания возможности достижения целей социальной организации за счет расширения возможностей индивидов удовлетворить свои потребности, достичь личные цели (функциональная нагрузка до 2/9).

2. Организационный (групповой) контроль представляет собой непосредственный процесс санкционирования индивида по итогам оценки его взаимодействия или результатов взаимодействий, то есть процесса или результата деятельности. Социальные субъекты, обладающие правом оценки деятельности соподчиненного субъекта и применения к нему санкций, нормативно ограничивают взаимодействие индивида с социальной организацией. Они решают проблемы оперативного внешнего реагирования на социальное отклонение, отличающееся от нормативного, идеального (функциональная нагрузка до 1/9).

3. Межличностный (внутригрупповой или референтный) контроль – это процесс самоопределения индивидом своего места в социальном пространстве. Индивид, интегрируя в социальную организацию, вольно или невольно включается во взаимодействие с социальным окружением (индивидами, занимающими социальный статус и исполняющими роли). Идентифицируя себя с референтной средой, он одновременно вынужден учитывать весь ее потенциальный и реальный комплекс социальных реакций, то есть средств, санкционирующих воздействия за отклонение от норм. Задача этого механизма – воспроизводство образцов социальных реакций референтной группы, которые побуждают или принуждают индивида к действию или бездействию (функциональная нагрузка до 2/9).

4. Личностный самоконтроль индивида (внутренний контроль индивида) – это процесс, обеспечивающий перевод ценностей и норм в ценностно-нормативный стандарт, который является регулятором поведения индивида. Предлагаемая социальным институтом система ограничителей деятельности (поведения), частично или полностью ставшая внутренней его потребностью, определяет его ориентацию на удовлетворенность при ее исполнении (функциональная нагрузка до 4/9) [4, с. 410 – 433].

Итак, в современном отечественном транзитивном социуме сфера социализации существенно расширяется посредством ресоциализации. Более того, с ее помощью разрешаются многие противоречия социализации, имеющей инерционный характер из-за малоподвижности институциональной матрицы общества, его: а) экономики, смещающейся с редистрибутивного к рыночному типу; б) политического устройства, видоизменяющегося с унитарного на федеративное; в) идеологии, ориентирующейся на субсидиарность, вместо коммунитарности. В этих условиях, риск социальной аномии снижается за счет функционального социального контроля поведения индивидов в базовых институциональных практиках общества – семья, экономика, политика, образование, религия. Однако, избежать латентных дисфункций при изменении качественного состояния современного общества объективно невозможно.

Феминизация и маскулинизация бедности и богатства.

Общепризнанной является точка зрения, что наиболее устойчивым обществом является то, в котором взаимодействия выстраиваются на триедином принципе социального неравенства (экономика), социальной справедливости (культура) и социального доверия (политика). Игнорирование или исключение из триады одного из них, нарушает институциональность, моральность и легитимность социальных взаимодействий, начиная с базового уровня – уровня взаимоотношений мужчин и женщин в обществе. Логика гендерной концепции происхождения общественной жизни указывает, что социальный порядок в обществе обусловлен распределением социальных ролей между полами. Бесспорно, что самой первой социальной ролью женщины была роль домохозяйки, а мужчины – добытчика. Однако, начиная с Нового времени, научно-технической революции, датой которой считается примерно 1750 г., когда человечество «обуздало» силу пара, все более новые процессы, такие как индустриализация, урбанизация, секуляризация, демократизация, глобализация и другие изменяли данный порядок [9, с. 166 – 172]. Женщины, находившиеся в подчиненном положении, в той или иной форме всегда протестовали против сложившейся социальной ситуации. Как правило, расширение их прав происходило в эпохи перемен, но консервативность мужчин относительно рассмотрения вопросов гендера (пола) либо сводилась к минимуму, либо вовсе игнорировалась. Тем не менее все актуальнее становились проблемы, связанные с правом собственности для замужних женщин, правом голоса для женщин, полным юридическим и социальным равенством женщин и мужчин [6, с. 257 – 264]. Нерешенность этих и других проблем инициировали феминизм – социальное движение женщин, направленное на достижение равенства политических, экономических, личных и социальных прав между мужчинами и женщинами, а также преодоление сексизма и лукизма. Оно отражает все более развивающуюся и усиливающуюся тенденцию – современные «женщины становятся все более мужественнее, а мужчины – женственнее».

Социально-исторический опыт свидетельствует, что очередные «скачки» в качественном изменении состояния прежнего распределения и нового перераспределения социальных статусов и ролей (обязанностей и прав, компетенций и ответственности) между мужчинами и женщинами приходились на транзитивные периоды [13, с. 146 – 149]. Это время, в которое актуальной и уместной является формула взаимодействия: «нормальная реакция нормальных людей на относительно ненормальные социальные условия жизнедеятельности». Таковыми являются экстремальные условия, неординарные ситуации, чрезвычайное положение, стихийные бедствия, вооруженные и военные конфликты, войны и революции, террористические акты и иные события радикально и кардинально изменяющие ранее устоявшийся порядок взаимодействий в обществе. Именно, в это время наиболее востребовано в каждом человеке как существе общественном, мыслящем, культурном, творческом наличие ассоциированности, когнитивности, духовности и креативности. Их единство является источником предрасположенности и подготовленности взаимодействующих участников устанавливать, поддерживать и изменять ценности и нормы-правила конструктивного, созидательного сосуществования в принципиально и качественно новых условиях жизнедеятельности.

Имманентно присущий социальной системе гомеостазис (достижение динамического равновесия реализации интересов участвующих сторон, удовлетворения их потребностей и получения успешного результата) перераспределяет риски и ресурсы в направлении сбалансированного состояния неравенства, справедливости и доверия. Посредством метода «логического квадрата» наиболее наглядного это выражено в социальном взаимодействии, следствием которого являются 4 альтернативных проявления состояний качества и уровня жизни, а также гендерного неравенства в обществе.

Таблица 1

**Альтернативные проявления состояний
качества, уровня жизни и гендерного неравенства в обществе**

Критерии: гендерный / имущественный	Феминность	Маскулинность
Богатство	3. Феминность богатства	4. Маскулинность богатства
Бедность	1. Феминность бедности	2. Маскулинность бедности

Гомеостазис достигается посредством социального управления и контроля, организации и самоорганизации, то есть баланса как государственного регулирования экономики, так и рыночного саморегулирования экономики общества, а также как баланса государственного регулирующего воздействия в рамках реализуемой социальной политики государства, так и деятельности саморегулируемых организаций в рамках реализации инициатив гражданского контроля общества [5, с. 68-76]. Если его идеальная статичная модель отражает минимизацию феминности и маскулинности бедности при максимизации феминности и маскулинности богатства, то векторная – от феминности бедности к маскулинности богатства. Этот ментальный конструкт, стереотип характеризующий исторически сложившийся «социокультурный ген» отношений между полами в массовом сознании зафиксирован в народной мудрости, согласно которой женщина – 0, а мужчина – 1. В полной семье как базовой ячейке общества и как социальном институте (институциональной практике) всегда наблюдается синергетический эффект совместных усилий мужа и жены. Он проявляется в двух альтернативных формах конфигурации статусно-ролевых и/или семейно-гендерных отношений – доминирования/подчинения, социальной активности/пассивности и т.п. Если жена «впереди» мужа, то наблюдается понижающее значение синергетического эффекта, коэффициент которого равен 0,1. Если жена «позади» мужа, то наблюдается повышающее значение синергетического эффекта, коэффициент которого равен 10. Гипотетически зафиксированное 100-кратное различие побуждает с научных позиций социологически понять гендерное поведение мужчин и женщин, объяснить гендерную структуру общества (как в статике, так и динамике) и описать взаимовлияние особенностей гендерного поведения и гендерной структуры через: *феминизацию бедности* – процесс увеличения доли женщин среди общего количества членов общества, живущих около или за чертой бедности (черта бедности – прожиточный минимум в расчете на душу населения, для трудоспособного населения, для пенсионеров, для детей). В этой категории находятся матери-одиночки, женщины-пенсионеры, женщины-инвалиды, женщины, возглавляющие домохозяйство (домохозяйки) и др. В среднем перестают считать себя бедными те, то начинает получать от 1,5 – 2 и выше прожиточных минимумов; *маскулинизацию бедности* – процесс увеличения доли мужчин среди общего количества членов общества, живущих около или за чертой бедности. В составе этой категории мужчины-безработные, мужчины-пенсионеры, мужчины-инвалиды, мужчины без определенного места жизни и др.; *феминизацию богатства* – процесс увеличения доли женщин среди общего количества граждан страны, имеющих достаток выше среднего, уровень благосостояния выше достойного, ежегодный доход выше 20000\$ (по мнению экспертов); *маскулинизацию богатства* – процесс увеличения доли мужчин среди общего количества граждан страны, имеющих достаток выше среднего, уровень благосостояния выше достойного, ежегодный доход выше 20000\$ (по мнению экспертов).

В сущности, данный комплексный подход, фокусирует внимание не столько на решении одной частной проблемы феминизации бедности, сколько на системном решении достижения оптимального соотношения в обществе бедных и богатых, отличающихся по гендерному и иным признакам. Предпринимаемые усилия решить проблему феминизации бедности принесли свои положительные результаты, но не решили ее. Борьба с гендерным неравенством и неравноправием, также, как и борьба с бедностью, посредством создания благоприятных условий для жизни, труда, учебы и отдыха, должна иметь свои стратегические цели. В качестве одной из них – это достижение не симметрии, а разумного, рационального оптимального пропорционального баланса данных четырех категорий граждан в обществе. Как вариант, это: не более 1/9 – *феминность бедности*, то есть не более 11 % от общего числа женщин (включая детей-девочек, девушек-студентов, женщин экономически активного, трудоспособного возраста, женщин пенсионного возраста), у которых качество и уровень жизни находится ниже прожиточного минимума; не более 2/9 – *маскулинность бедности*, то есть не более 22 % от общего числа мужчин (включая детей-мальчиков, юношей-студентов, мужчин экономически активного, трудоспособного возраста, мужчин пенсионного возраста), у которых качество и уровень жизни находится ниже прожиточного минимума; не менее 2/9 – *феминность богатства*, то есть не менее 22 % от общего числа женщин (включая детей-девочек, девушек-студентов, женщин экономически активного, трудоспособного возраста, женщин пенсионного возраста), у которых качество и уровень жизни находится выше среднего уровня по стране; не менее 4/9 – *маскулинность богатства*, то есть не менее 44 % от общего числа мужчин (включая детей-мальчиков, юношей-студентов, мужчин экономически активного, трудоспособного возраста, мужчин пенсионного возраста), у которых качество и уровень жизни находится выше среднего уровня по стране.

В сущности, эти кластерные гендерно-имущественные группы являются полярными альтернативами в социально-экономической структуре общества, ядро которого образует средний класс из числа женщин и мужчин, чье качество и уровень жизни находится на среднем уровне по стране. Вероятнее всего, достижение именно данной конфигурации гендерно-имущественной структуры общества способно минимизировать социальную напряженность в нем, в целом, и социально-психологическую напряжённость в семье, в частности. Особенно в случаях, когда мужчина объективно или субъективно утрачивает возможность исполнять свою базовую, первичную социальную роль «добытчика», а ведь основу среднего класса общества должны преимущественно образовывать именно мужчины из кластера «маскулинность богатства».

На 01.01.2017 г. по оценке Росстата в России почти 147 млн чел., из них мужчин – около 68 млн (46%), женщин – около 79 млн (54 %), из которых около 75% – это городское, а около 25% – это сельское население. Согласно рассмотренной методики идеальная модель гендерно-имущественной структуры современного российского общества фиксирует: феминность бедности – среди не более 8,7 млн женщин; маскулинность бедности – среди не более 14,9 млн мужчин; феминность богатства – среди не менее 17,4 млн женщин; маскулинность богатства – среди не менее 29,9 млн мужчин. Итого – около 71 млн чел. При этом, в средний класс должны входить – 76 млн человек, из которых мужчин – около 23 млн (30%), женщин – около 53 млн (70 %). Если социально-политическая стабильность общества определяется массовым средним классом, то социально-экономическая стабильность семьи – средним уровнем (по региону – субъекту РФ) и качеству жизни женщин, которые должны образовывать социальную основу среднего класса общества. В этом фокусируется ориентир, приоритет стратегического социально-экономического развития современного российского общества в условиях транзитивного его периода жизнедеятельности – функционирования и развития.

В рамках данной методологии объясняется тот факт, почему на современном этапе индекс адаптированности мужчин к бедности выше, нежели у женщин. Во-первых, отсутствием реальных возможностей для достижения желаемых целей (благ), вследствие неконкурентоспособности профессиональных компетенций, сформированных при обучении в образовательных учреждениях начального, среднего и высшего профессионального

образования, а также вследствие отсутствия иных новых, которые можно было бы сформировать при обучении по дополнительным образовательным программам. Рынок труда востребует квалифицированных работников, которыми как раз и не являются те граждане, которые находятся вблизи черты или за чертой бедности. Во-вторых, в течение последних десятилетий объективно складывалось, что девушек, получающих более высокий уровень образования, было больше, нежели юношей, которые после школы уходили работать. Вероятнее всего, на уровне первичной социализации у мальчиков недостаточно была сформирована потребность в самоактуализации, самореализации, самоутверждении. Столкнувшись с трудностями во взрослой жизни, не сумев их преодолеть, значительная мужская часть населения страны стала употреблять алкоголь, терять работу, нарушать традиционные общественные устои, то есть «поглощаться воронкой девиантности». Согласно «спирали девиантности» роль относительно незначительных видов девиантности, как правило, может усиливаться социальной средой, и тем самым затрудняет выход индивида из нее.

Итак, проблема феминизации бедности в условиях транзитивного развития российского общества является актуальной. Она востребует совместные усилия государства и общества, бизнеса и образования в ее решении не на уровне «организационного запаздывания», а на уровне «опережающего развития». Более того, не в контексте ретроспективного социального контроля институциональных практик гендерных и имущественных девиаций, а проспективного контроля, позволяющего минимизировать социальные риски, с одной стороны, как тех людей, которые попали в трудные жизненные условия, и неизбежно приближаются к черте бедности, а с другой – тех, кто успешно реализовал свой шанс на рынке труда посредством своих профессиональных компетенций.

Социальный контроль в обеспечении гендерного равноправия и минимизации рисков гендерно-имущественной асимметрии.

Природа социального контроля по минимизации гендерно-имущественных девиаций двоякая: с одной стороны – это некий феномен, имеющий социокультурную основу и органично вплетенный во все сферы жизнедеятельности общества – экономическую, политическую, духовную и социальную (по Т.Парсонсу); с другой – искусственная проектируемая система (инструмент), сознательно создаваемая людьми для поддержания стабильности социального порядка в обществе, а именно совокупность концентрических кругов в центре которых находится взаимодействующий индивид, то есть единство политико-юридического, морально-этического, профессионального и семейного контроля (по П.Бергеру). В связи с этим социальный контроль имеет широкий, но ограниченный диапазон действия и границы своего влияния. Его ограниченный диапазон действия связан с отклонениями (девиациями и новациями) от социальных норм, то есть минимизацией гендерных и имущественных девиаций (риска) и максимизацией их инноваций (шанса).

Амбивалентная природа социального контроля отражает в нем истоки естественного и искусственного, гуманного и рационального, которые представлены: а) *социокультурной основой* – сущность и содержание социального контроля детерминирована исполняемыми социальными ролями мужчинами и женщинами в социальной среде ценностно-нормативной и знаково-символической регуляции гендерного поведения. Социальный контроль – это система ценностей и норм гендерного поведения, самых разнообразных по своей природе, ценностному значению в общей мотивации поведения и характеру распространения. В них, во-первых, включен комплекс требований к поведению, который предъявляется личности женщины и мужчины от имени социальной среды как агента контроля, а, во-вторых, обозначены границы внутри которых взаимодействуют агенты и контрагенты контроля. Так, право, мораль, религия, обычаи, традиции наряду с групповыми нормами и ценностями в своей совокупности образуют ценностно-нормативную и знаково-символическую регуляции гендерного поведения – социального поведения мужчин и женщин, их гендерно-имущественную, профессионально-трудовую и иную деятельность; б) *институциональной основой* – воспроизводство форм востребованного, должного, желательного, ожидаемого социального поведения мужчин и женщин в гендерных институциональных практиках. Социальный контроль – это: во-первых,

контролирующая и контролируемая деятельность как функция системы институтов, «агентств», учреждений и агентов контроля, которые его осуществляют путем применения санкционирующих воздействий, как вознаграждающих, так и наказывающих; во-вторых, собственно институциональные формы социального контроля, которые детерминированы конкретными видами деятельности по удовлетворению потребностей личностью мужчины и личностью женщины, достижению ими основных личностных целей в многоуровневой и полисферной системе (организации) социальных взаимодействий, сферах жизнедеятельности социальных групп, общностей и общества, в целом; в) *социотехнологической основой* – типы и технологии социального контроля по минимизации гендерно-имущественных девиаций и максимизации инноваций. Социальный контроль – это: во-первых, конкретный тип контролирующего органа – агента или агентства контроля, а именно: специализированный, относительно специализированный и неспециализированный, что в свою очередь позволяет различать формальный (официальный) и неформальный (неофициальный) социальный контроль; во-вторых, метод контролирования как разновидности социального управления, а именно ориентацию социальной среды (организации) на средство санкционирующего воздействия или достижения цели его применения, реализации, то есть оценочно-нормативный (ретроспективный, стихийный) или регулятивно-целевой (проспективный, планомерный).

Социологический анализ социотехнологических основ социального контроля фиксирует выделение в нем компонентов, характеризующих механизм функционирования социального контроля как социальной технологии. Технологическая подвижность социального контроля обеспечивается: а) *субъектным компонентом*. Он представлен агентом контроля, который детерминирует преимущественное положение и роль при социальном взаимодействии формального или неформального контроля; б) *временным компонентом*. Он отражает метод осуществления социальной акции агентом контроля, который определяет ретроспективный или проспективный его характер; в) *санкционирующим компонентом*. Он указывает на тип санкционирующего воздействия, выбранный агентом контроля как реакцию на социальное взаимодействие, который определяется классом социальных санкций – вознаграждающим или наказывающим.

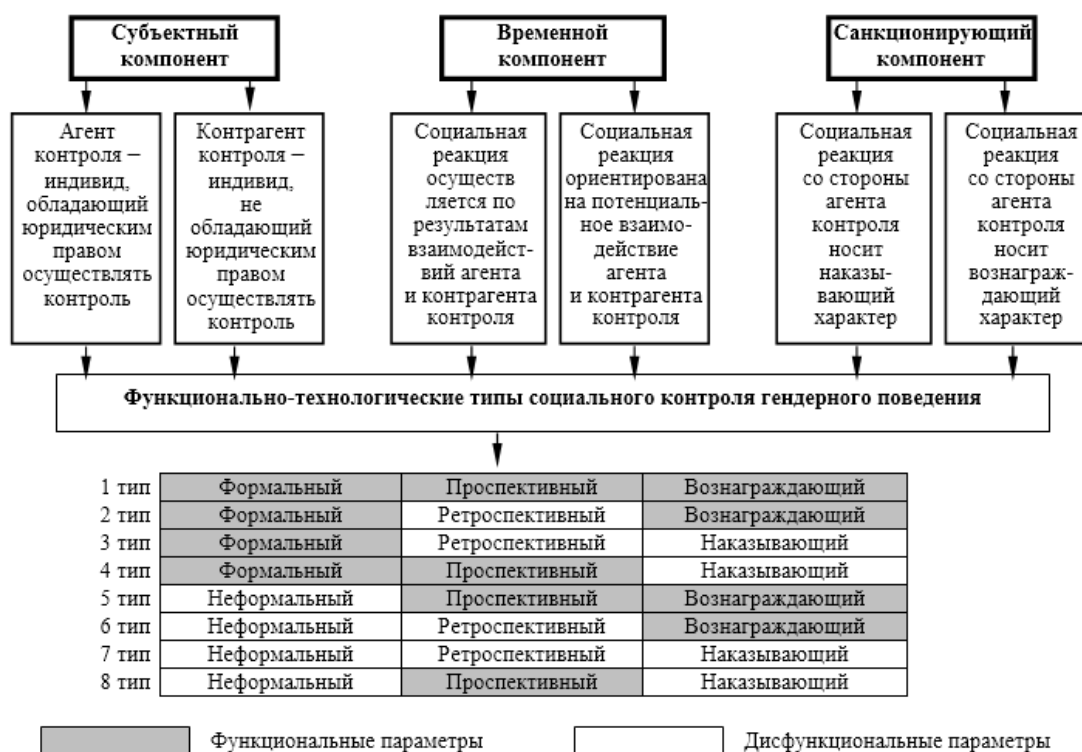

Рис.1. Методические основы типизации социального контроля по его функциональным характеристикам

Соотнесение методом «логического куба» данных компонентов позволяет выделить восемь технологических типов социального контроля, которые отражают в своем содержании интегративную социальную характеристику свойств контролирующего воздействия как акции агента контроля и контролируемого действия как реакции контрагента.

1. Преимущественно *формально-перспективно-вознаграждающий* – социальные отношения агента и контрагента контроля поддерживаются за счет потенциальной возможности получения средств вознаграждающего санкционирующего воздействия в рамках формального поля их взаимодействия. Для социальной организации это наиболее востребованный тип, так как определяет очередные ориентиры контрагенту контроля после достижения конкретной цели.

2. Преимущественно *формально-ретроспективно-вознаграждающий* – социальные отношения агента и контрагента контроля детерминированы реальным применением вознаграждающих санкционирующих воздействий в рамках формального поля их взаимодействия. В своей характеристике этот тип, а также третий и четвертый выражают функциональность формального агента контроля. Вознаграждающее санкционирование контрагента контроля осуществляется по факту, итогу его взаимодействия с агентом.

3. Преимущественно *формально-ретроспективно-наказывающий* – социальные отношения агента и контрагента контроля детерминированы реальным применением наказывающих санкционирующих воздействий в рамках формального поля их взаимодействия. В характере этого типа наказывающее санкционирование контрагента осуществляется по факту, итогу его взаимодействия с агентом.

4. Преимущественно *формально-перспективно-наказывающий* – социальные отношения агента и контрагента контроля поддерживаются за счет потенциальной неизбежности получения средства наказывающего санкционирующего воздействия в рамках формального поля их взаимодействия. Формальный агент контроля, определяя контрагенту, потенциальные ограничения при последующем взаимодействии, подавляет его любую инициативу, поэтому может рассматриваться в системе социального управления как преддисфункциональным.

5. Преимущественно *неформально-перспективно-вознаграждающий* – социальные отношения агента и контрагента контроля поддерживаются за счет потенциальной возможности получения средств вознаграждающего санкционирующего воздействия в рамках неформального поля их взаимодействия. С пятого по восьмой тип характеризуются доминантой неформальных санкционирующих воздействий, что признает частичную или полную дисфункциональность формальных агентов контроля. Данный тип, определяя очередные ориентиры контрагенту контроля, после достижения им конкретной цели не в состоянии в полной мере выполнить функциональную нагрузку воспроизводства нормативных отношений.

6. Преимущественно *неформально-ретроспективно-вознаграждающий* – социальные отношения агента и контрагента контроля детерминированы реальным применением вознаграждающих санкционирующих воздействий в рамках неформального поля их взаимодействия. При реализации задач социальной организации оказывает влияние, но не на правовом поле взаимодействия контрагента и агента контроля, что носит характер непредсказуемости.

7. Преимущественно *неформально-ретроспективно-наказывающий* – социальные отношения агента и контрагента контроля детерминированы реальным применением наказывающих санкционирующих воздействий в рамках неформального поля их взаимодействия. Доминанта ненормативного санкционирования контрагента снижает его функциональность для социальной организации.

8. Преимущественно *неформально-перспективно-наказывающий* – социальные отношения агента и контрагента контроля поддерживаются за счет потенциальной неизбежности получения средства наказывающего санкционирующего воздействия в рамках неформального поля их взаимодействия. Для социальной организации самый неблагоприятный тип, так как блокирует любые формы самореализации контрагента контроля. Рассматривается

как максимально дисфункциональный [3, с. 251 – 253]

Именно первый тип социального контроля – преимущественно формально-перспективно-вознаграждающий социальный контроль позволяет в «опережающем режиме» выстраивать востребованные социальные взаимодействия, обеспечивающие гендерное равноправие, максимизацию шансов и минимизацию рисков гендерно-имущественной асимметрии в условиях транзитивности социально-экономического развития современного российского общества.

Сложившиеся гендерно-имущественные отношения являются следствием закона обязательного соответствия социальных отношений характеру, качественному социокультурному и личностному уровню развития индивида, то есть его образу жизни – устойчивому, сложившемуся в транзитивных общественно-экономических условиях способу конкретной индивидуальной и групповой жизнедеятельности мужчин и женщин, осуществляемому в определенной системе социальных (семейных, профессионально-трудовых, досуговых, образовательных и т.п.) отношений и в соответствии с социальными (правовыми и моральными) нормами и ценностями гендерного поведения. Он не столько отражает конкретные отношения, сколько проявляется в нормах гендерного общения, поведения, складе мышления мужчин и женщин, предопределяющем их деятельность в сфере познания, общения, потребления и преобразования условий жизни, социальной среды. При этом, показателями состояния и динамики их образа жизни выступают: а) *уровень жизни* (жизненный уровень, жизненный стандарт) – степень удовлетворения физических, духовных и социальных потребностей индивидов, то есть обеспеченность социальных групп потребительскими благами. Он характеризует меру и степень удовлетворения материальных и духовных потребностей в основном в их количественном измерении (денежных и натуральных единицах): уровень национального дохода, размер оплаты труда, реальные доходы, объем потребляемых благ и услуг, уровень потребления продовольственных и непродовольственных товаров, продолжительность рабочего и свободного времени, жилищные условия, уровень образования, здравоохранения, культуры и т.д.; б) *качество жизни* – характеристика образа жизни, раскрывающая его со стороны содержания, характерных черт, преимуществ и недостатков. Оно отражает качество удовлетворения материальных и духовных потребностей людей: качество питания, качество одежды и ее соответствие моде, комфортность жилища, качественные характеристики в сфере здравоохранения, образования, обслуживания населения, качественная структура досуга, нравственная атмосфера, настрой людей, степень удовлетворения потребностей в содержательном общении, знаниях, творческом труде, структуре расселения и т.д. Оно является предпосылкой формирования социального климата – нравственного здоровья и социального оптимизма; *стиль жизни* (ориентированность) – характеристика социального поведения, осуществляющегося в конкретных социальных условиях на основе реализации личностью женщины и личностью мужчины внутренних побуждений, собственного понимания социального смысла и цели своей жизнедеятельности. Социологическое изучение образа жизни мужчин и женщин создает возможности не только оперативного отслеживания наметившихся тенденций в их социальной жизнедеятельности (ретроспективный аспект), но и социального прогнозирования их образа жизни (перспективный аспект): *поискового* – предполагающего анализ «функции вероятности» по шкале: невероятно – маловероятно – вероятно – более вероятно; *нормативного* – предполагающего анализ «функции предпочтения» по принципу: нежелательно – желательно – более желательно – наиболее желательно или оптимально.

Приоритетность перспективной направленности социального контроля очевидна, несмотря на то, что исключить из институциональных практик гендерное неравенство невозможно, также как невозможно достичь полной симметрии. Если гендерное неравенство можно только минимизировать, то гендерную асимметрию – только уменьшить [1, с. 125 – 127]. Гендерно-имущественные отношения изначально асимметричны вследствие исторически, традиционно сложившихся поливариантных поведенческих практик и стереотипов, а гендерная асимметрия – предпосылка как позитивных отношений, ведущих к партнерству, так и негативных, следствием которых дисгармония [8, с. 21 – 27]. Дифференцированность значений

гендерно-имущественного равенства объясняется как концепцией правовой защиты мужской власти и мужского правового превосходства над женским полом, так и концепцией гендерного правового равенства, декларативно заявляемой, но не реализуемой на практике. При этом, равенство необходимо исследовать не как критерий или мера, а как неразрешимый предел, поскольку равенство в прямом смысле является равенством тех, которые ни в чем друг другу не равны. В современном социокультурном конструкте гендерно-имущественных отношений происходит смешение стереотипов, полоролевых моделей и гендерных идентификационных сценариев. Следствием этого является сформированный как негативный стереотип отношений между полами, так и позитивный – партнерский, но не доминантный.

Наглядно это продемонстрировано в финансовой сфере, а именно сфере кредитного (долгового) поведения мужчин и женщин. Основанные на принципе «жизнь в кредит (взаймы)» социальные установки и поведение членов домохозяйств различны, что свидетельствует о существовании гендерной асимметрии кредитного (долгового) поведения. Так, если мужчины чаще одобряют институциональный заем денежных средств, то женщины – неформальное кредитование – одолжение денежной суммы у родственников (знакомых, друзей). Женщины по сравнению с мужчинами чаще занимают деньги у своих близких и знакомых для решения текущих материальных проблем семьи. Женщины, ориентируются на более богатые референтные группы и стараются жить «не хуже других», поэтому для них гораздо проще брать деньги в долг. Если мужчины преимущественно считают, что расходование денежных средств зависит только от их собственных решений, то женщины стремятся оправдать свое долговое поведение причинами, будто бы не имеющими к ним непосредственного отношения. В ситуации, когда возникла просроченная задолженность и долг становится неуправляемым, если долговое поведение у мужчин определяется их завышенной самооценкой, их самонадеятельностью, но при этом пускают свою кредитную историю на самотек, то у женщин, наоборот, заниженной самооценкой, что не редко инициирует впадение в панику, сильнейший стресс и принижение своих способностей справиться с кризисной кредитной (долговой) ситуацией. Если мужчины более уверены в успехе в условиях кредитного риска, то женщины более неуверены, скептически и прагматичны. При этом, женщины больше предрасположены к неумным, зачастую неразумным (иррациональным) тратам по кредитной карточке, чем мужчины, потому что рассматривают экономическую свободу как свободу совершать дорогостоящие покупки и признают ее как высшее благо, способное скрасить их повседневную рутинную жизнь и испытать ощущение независимости и самодостаточности.

Ценностно-нормативные установки мужчин и женщин по отношению к кредиту и к долгу различны. Так женщины, проживающие в городах, более позитивно настроены на кредит, нежели жительницы сельской местности. Если женщины не стесняются просить у друзей и знакомых деньги в долг, то мужчины, наоборот, стесняются и склонны не афишировать, что берут деньги в долг. Женщины более мужчин осознают, что заимствование денег – это определенный риск, который может привести к нежелательным для семейного бюджета (бюджета домохозяйства) последствиям. Мужчинам, нежели женщинам, присущи более лояльные установки относительно перспектив кредитования, связанного с покупкой дорогостоящей вещи, способной повысить престиж и статус семьи. Если мужчины преимущественно планируют факт оформления кредита, то женщины преимущественно спонтанно, ситуативно принимают решение и берут неформальный заем. Если женщины в большей степени берут кредиты на неотложные нужды, лечение, покупку дорогих товаров и приобретение жилья, то мужчины – автокредит и кредит на развитие собственного бизнеса. Успешный опыт пользования институциональным кредитом, позитивное отношение к заимствованию более выражено у мужчин, нежели чем у женщин.

Итак, социальный контроль феминизации бедности и гендерной асимметрии является социотехнологическим ресурсом российского общества в условиях его транзитивного социально-экономического развития. Смещение приоритетов с ретроспективности на перспективность социальных взаимодействий между мужчинами и женщинами раскрывает новые возможности, ресурсы гармонизации гендерно-имущественной структуры современного

российского общества. Теоретико-методологической и технологической основой коррекции институциональных практик, минимизации девиаций гендерного поведения является прогнозирование сценариев, моделирование образцов, проектирование и планирование деятельности государства, его социальной и социально-экономической политики вектором которой должен быть «от минимизации феминности бедности к максимизации маскулинности богатства», мультипликативным эффектом которой является создание среднего класса. Его более чем 50% относительная доля от общей численности населения страны, состоящая из 1/3 мужчин и 2/3 женщин, является не столько залогом социально-политической стабильности, социального порядка в обществе, сколько показателем, что российское общество в транзитивном периоде социально-экономического развития использовало свой шанс повышения качества жизни населения и снижения уровня (диапазона, размера доходов) и степени (распространенности) неравенства между бедными и богатыми.

Литература

1. Ильиных С.А. Гендерная асимметрия. Поиск причин и основных путей ее преодоления: монография. – Новосибирск: НГАСУ, 2006. – 180 с.
2. Левкин Н.В. Институциональные аспекты формирования благоприятного инвестиционного климата в странах с экономикой транзитивного типа / Н.В. Левкин, Д.С. Терещенко – Петрозаводск: ПетрГУ, 2014. – 122 с.
3. Назаренко С.В. Социальный контроль военной службы в Российской Федерации (социологический анализ на примере военнослужащих Вооруженных сил РФ). Монография. – Череповец: ЧВИИРЭ, 2007. – 320 с. 251-253
4. Назаренко С.В. Социология: Учебное пособие. 2-е изд. – СПб.: Питер, 2009. – 496 с. 410-433
5. Общество как социогендерная система и социальные риски ее развития: монография / под ред. Г.Г. Силласте. – М.: Издательский Дом «Третьяковъ», 2016. – 269 с.
6. Права женщин и институты гендерного равенства в регионах России: сборник / под ред. Н.М. Римашевской, О.А. Ворониной, Е.А. Баллаевой. – М.: МАКС Пресс, 2010. – 419 с.
7. Силласте Г.Г. Социальные риски кризисов транзитивного развития: методологический социологический дискурс // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2016. – Т. 6. № 3 (23). – С. 6-17.
8. Симонов В.П. Законы и парадоксы асимметричного мира. Современная концепция теории систем. – М.: Изд-во МГОУ, 2006. – 40 с.
9. Сосунова И.А. Общественное мнение по актуальным комплексным проблемам: рациональный прогноз и социологическая эмпирика (на примере глобального изменения климата) // Качество и жизнь. – 2016. № 4 (12). – С. 166-172.
10. Сосунова И.А. Экодизайн в России: проблемы развития в контексте качества жизни // Качество и жизнь. – 2014. № 2 (2). – С. 15-19.
11. Социальные взаимодействия в транзитивном обществе: сборник научных трудов Новосибирской гос. акад. экономики и упр. / отв. ред. Удальцова М.В. Вып. 16, 2014. – 191 с.
12. Управление социально-экономическими системами и бизнес-процессами в условиях транзитивной российской экономики: коллективная монография / Аборнева О.И. и др.; под общ. ред. Е.И. Макарова. – Воронеж: Науч. кн., 2016. – 166 с.
13. Феминизация бедности в России: Макроэкономический анализ феминизации бедности в России: Сб. докл., подгот. для Всемир. банка / Подгот. Прокофьевой Л. М. и др. – М.: Весь мир, 2000. – 220 с.